

УДК 81
DOI 10.17223/18137083/67/21

О. В. Соколова

Институт языкознания РАН, Москва

**Особенности перевода авангардных окказионализмов
(на материале «Футуристической кухни» Ф. Т. Маринетти)***

Анализируются ключевые проблемы теории перевода, в частности эквивалентность языковых знаков и текстов, и возможность их преодоления при переводе такого типа текстов, как художественные авангардные. Проблема перевода окказионализмов в авангардных текстах решается с опорой на теоретический и методологический аппарат теории трансфера и концепции интерпретации У. Эко. Формулируются базовые прагматические интенции авангардного текста (на материале «Футуристической кухни» Ф. Т. Маринетти), определяющие выбор стратегии его перевода (интенция на отказ от заимствований и создание нового художественного языка с использованием итальянского как единственного языка-источника), и выявляются основные трансферные механизмы: формирование новых словообразовательных моделей; дополнение и расширение существующих словообразовательных моделей создания окказионализмов; расширение потенциальных возможностей принимающего языка.

Ключевые слова: теория перевода, эквивалентность, теория трансфера, авангардный текст, прагматическая интенция, трансферные механизмы, окказионализмы.

Сопоставление текстов на разных языках, как в историческом развитии, так и на современном этапе теории перевода, эксплицирует взаимосвязь таких базовых языковых, лингвистических и переводческих проблем, как несоизмеримость и несопоставимость языков, эквивалентность / неэквивалентность знаковых единиц и текстов, сходство означаемого и др. В соответствии с поставленными проблемами на разных этапах развития лингвистического знания были предложены соответствующие концепции, имеющие большое значение как для теории перевода в частности, так и для теории языка в целом.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Соколова Ольга Викторовна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН (Большой Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва, 125009, Россия; faustus3000@gmail.com)

Центральное положение в теории перевода занимает концепция эквивалентности, которая обозначает наличие некоторой общности между текстом оригинала и перевода в условиях отсутствия их тождества и ставит перед теоретиками и практиками перевода вопрос о степени допустимости этой общности, варьируемой в зависимости от типа текста (художественного или технического) и стратегии выбранного перевода (буквального или вольного). Первые подходы к проблеме эквивалентности излагаются в исследованиях Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, в которых происходит разграничение прямого и косвенного перевода, соотносимого с буквальным и свободным переводом [Vinay, Darbelnet, 1995, p. 84], и ставится вопрос о необходимости формирования эквивалентности путем создания двуязычного словаря, включающего эквивалентные выражения между языковыми парами, однако выражаются опасения по поводу утопичности такого проекта, связанной с тем, что список идиом не может быть исчерпывающим [Ibid., 255]. Дальнейшее развитие концепция эквивалентности получает в исследованиях структуралистов, прежде всего в работе Р. О. Якобсона, который выдвигает принцип «эквивалентности при существовании различия» как «кардинальной проблемы языка и центральной проблемы лингвистики» [Якобсон, 1978] и подчеркивает значимость интерпретации как базовой процедуры при любом из выделяемых им видов перевода (внутриязыковом, межъязыковом и межсемиотическом), утверждая таким образом принципиальную возможность перевода, несмотря на культурные и грамматические различия между оригинальным и переводным текстом. Значимый вклад в теорию эквивалентности вносит Ю. Найда, выделяющий формальную эквивалентность, ориентированную на оригинал, и динамическую, или функциональную, ориентированную на читателя [Nida, Taber, 1969]. Сходные исследования, направленные на развитие концепции эквивалентности посредством введения понятия переводческого «сдвига» (уровневого и категориального) [Catford, 1965, p. 80], разграничения денотативной, коннотативной, нормативной, прагматической и формальной эквивалентности [Koller, 1979, S. 186–191], замену терминов формальной и динамической эквивалентности понятиями «семантического» и «коммуникативного» перевода [Newmark, 1988], достижение эквивалентности через ориентацию на заложенные в тексте-источнике имплицитурные, позволяющие воспроизвести косвенное, подразумеваемое, а не буквальное значение [Baker, 1992], обусловили возможность переосмысления эквивалентности на современном этапе и в особенности – в связи с обращением к переводу художественных текстов.

Так, У. Эко вводит понятие «интенции произведения» (*intentio operis*) в связи с проблемой интерпретации текста и в особенности – в связи с переводом художественных текстов. У. Эко выделяет три интенции, которые следует различать при интерпретации произведения: «интенцию автора» (*intentio auctoris*), «интенцию произведения» (*intentio operis*) и «интенцию читателя» (*intentio lectoris*) [Эко, 1990; Эко, 2005]. При этом У. Эко подчеркивает особую значимость «интенции произведения» в связи с теорией и практикой перевода, когда интерпретация текста позволяет выявить неэквивалентность тех или иных текстовых элементов и языковых единиц текста-перевода и текста-оригинала [Эко, 2015, с. 67]. Идеи «интенции произведения» и замены «эквивалентности означаемого» «функциональной эквивалентностью» получают развитие в работах Д. Кенни, в которых вводится понятие «равенство обмениваемых ценностей» и подчеркивается, что перевод (и прежде всего, перевод художественных текстов) «должен производить то же самое воздействие, к которому стремился оригинал» [Kenny, 1998, p. 78]; а также в обосновании Н. Дузи необходимости выдвигать гипотезу, которую должен сформулировать переводчик и которая объясняет воздействие на читателя, заложенное в оригинале [Dusi, 2000, p. 41].

Обращаясь к проблеме эквивалентности в аспекте перевода художественных текстов, актуальным также представляется альтернативный подход, сформированный в русле теории трансфера, который позволяет преодолеть проблему эквивалентности / неэквивалентности текстов, поставленную структуралистами. Теория трансфера, которая в 1980-е гг. была сформулирована в работах М. Эспаня и М. Вернера, актуализировавших понятие интеллектуального обмена и границы между разными культурами [Transferts, 1988], получила дальнейшее развитие в трудах московско-тартуской семиотической школы и тель-авивской школы И. Эвен-Зоара. Опираясь на модель коммуникации Р. Якобсона, И. Эвен-Зоар формулирует основные положения новой теории перевода, выдвигая в качестве главных параметров определенной системы «трансферные механизмы», т. е. сами процедуры, по которым осуществляется перенос культурных ценностей из одной системы в другую, и акцентируя ключевую роль выявляемых в результате такого сопоставления расхождений между оригиналом и переводом [Even-Zohar, 1981]. На современном этапе теория трансфера разрабатывается в исследованиях сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН. Экстраполируя теорию трансфера на общегуманитарную область и выявляя методологию обмена знаниями в аспекте межнаучных, междискурсивных и межъязыковых взаимодействий, исследователи отмечают, что культурный трансфер, с одной стороны, противопоставлен «простоному переносу из культуры в культуру» и, с другой – представляет собой «циркуляцию и преобразование культурных ценностей и их переосмысление или интерпретацию в новых культурах» [Фещенко, Бочавер, 2016, с. 18–19].

Обозначенный подход не только позволяет преодолеть целый ряд проблем, поставленных предшествующими теориями перевода, но и оказывается особенно релевантным при переводе такого типа текстов, как авангардные. Учитывая постулируемый авангардистами отказ от конвенционального словоупотребления, «обновление словаря во всем его объеме» и провозглашение принципа «форма больше содержания», сами понятия обратимости как возможности обратного перевода или эквивалентности как максимальной смысловой близости оригинала и перевода оказываются относительными и не всегда соответствующими критериям, заданным авторами авангардных текстов. Постулируемое авангардистами «обновление словаря» выражается в активной работе авторов на уровне словообразования, что приводит к актуализации проблемы перевода окказионализмов, при образовании которых значимой является прагматическая установка на языковой эксперимент и «остранение» с целью разрушения конвенционального словоупотребления и создания нового языка.

Анализируя особенности перевода окказионализмов, осуществленного в аспекте предлагаемой У. Эко концепции «интенции произведения» и теории трансфера, необходимо сформулировать основные прагматические интенции, характерные для отдельных авторов и направлений авангарда, среди которых выделяются «национализация» и «универсализация». Если для «универсализации», наиболее последовательно проявившейся в поиске «универсального» языка в текстах В. Хлебникова. Дж. Джойса и Ю. Джоласа, была характерна ориентация на межъязыковой синтез, позволяющий преодолеть границы между разными культурами и направлениями авангарда¹, то стратегии «национализации» сформировались на базе противоположных эстетических и прагматических интенций.

Стратегия «национализации» сформировалась в 1920–1930-е гг. в творчестве итальянских футуристов и выразилась в отказе от заимствований и создании ок-

---

¹ Подробнее о разных концепциях «универсального» языка см.: [Перцова, 2000; Соколова, 2015].

казиональных форм с использованием итальянского как единственного языка-источника. Текст, в котором эта интенция проявилась наиболее развернуто и последовательно, стала книга Ф. Т. Маринетти и Филлиа «Футуристическая кухня» (1932), включающая ранее изданный «Манифест футуристической кулинарии» (1930). Вслед за провозглашенными итальянскими футуристами в 1910–1920-е гг. реформами в поэзии, живописи, скульптуре, театре и других областях искусства, «Футуристическая кухня» ознаменовала новый этап – революцию в итальянской кулинарии и языке:

Наша футуристическая кухня, предназначенная для высоких скоростей, словно двигатель гидросамолета будет казаться безумной и опасной трепещущим приверженцам прошлого; но она создаст наконец гармонию между небом людей и их сегодняшней и завтрашней жизнью (Поваренная книга..., 2018, с. 116)².

В отличие от распространенных в текстах итальянских футуристов 1910-х гг. способов словообразования по типу «parole in libertà», в основе которых лежат онomatопея, приемы фоно- и звуко-символизма, параграфемика и сочетание вербального и визуального кодов³, в 1930-е гг. прагматическим основанием словотворчества становится обусловленная влиянием политического дискурса установка на возрождение единой итальянской нации, реализовавшаяся в стремлении футуристов создать новый итальянский язык, очищенный от заимствований и освобожденный от «автоматизированных» слов. Провозглашая основные «итальянские свободы»: свободу итальянского языка от заимствований, а кухни – от европейских блюд, Маринетти соединяет в книге идеологические интенции и авангардистскую работу с языком.

Обосновывая выбор материала, важно также подчеркнуть особую форму взаимодействия теоретической метаязыковой рефлексии и ее практической реализации в текстах авангарда и, прежде всего, в авангардных манифестах. Поскольку «Футуристическая кухня» представляет собой сочетание разных разделов, включая раздел «Манифесты – Идеология – Poleмика», описания «грандиозных футуристических обедов» и сборник «футуристических формул» (рецептов), в ее жанровой направленности очевидна установка на манифестарность. Вообще, манифест как пограничный жанр, в котором пересекаются ключевые языковые функции – эстетическая, метаязыковая, прагматическая и фатическая, – оказался чрезвычайно привлекательным для авангардистов в начале XX в. Авангардные манифесты могут быть обозначены как «гибридные» тексты, сочетающие черты авангардного поэтического и политического дискурсов и относящиеся к такому типу междискурсивного взаимодействия, как «контаминация дискурсов»⁴, при котором происходит адаптация языковых элементов и коммуникативных стратегий одного дискурса другим. В случае исследуемого текста можно говорить о взаимодействии политического и авангардного дискурсов, поскольку в нем переплетаются основные черты социально-политической современности и ключевые положения нового языка и эстетики. Главными требованиями, заявляемыми футуристами, становятся отказ от заимствований и отрицание нормативного словоупотребления, выраженные в политическом авангардном манифесте «Против эстерофилии», вошедшим в «Футуристическую кухню»:

² Далее примеры цитируются по нашему переводу «Футуристической кухни» (Поваренная книга..., 2018) с указанием страниц в круглых скобках.

³ Более подробно о таком способе словообразования см.: [Orban, 1997; Импости, 2000].

⁴ Впервые понятие контаминации в философском контексте вводит Ж. Деррида, подчеркивая диалектичность этого термина, который обозначает «переплетение» внешней и внутренней формы языка, означаемого и означающего, когда тотальность дискурса «схватывается» в сети указаний (индексов, знаков, меток и т. п.) [Derrida, 1990, p. 6].

Элегантные итальянские дамы, просим вас вместо cocktail-party, происходящих во время ваших послеполуденных встреч, употреблять, если вам так будет угодно: Асти Спуманте синьоры Б, Барбареско графини Ч, Капри Бьянко принцессы Д. На этих собраниях приз будет вручен лучшему вину, подходящему для таких встреч. И хватит уже говорить слово «бар». Пора заменить его итальянским «Тутпьют» (с. 160).

Этот текст, как и ряд политических манифестов Маринетти разных лет («Программа футуристической политической партии», 1913; «По ту сторону коммунизма», 1920; «Футуризм и фашизм», 1924; и др.), выражает особую политическую оптику Маринетти, кардинально отличную от позиции официального фашистского режима. Авангардные политические манифесты отражают все большее расхождение позиции Маринетти, ориентированной на эстетическую и духовную революцию, с диктаторской идеологией фашизма. Важно подчеркнуть, что участие итальянских футуристов (как и авангардистов других стран) в политике носило радикально-анархический, утопический характер, что привело к столкновению с сугубо прагматической направленностью официальной фашистской идеологии в Италии⁵.

Окказионализмы, теоретически осмысляемые и создаваемые в книге в русле заявленной прагматической интенции, связанной с «национализацией» языка, отличаются «семантической прозрачностью», что связано с отличной от раннего авангарда, ориентированного на эпатаж, установкой на необходимость итоговой интерпретации первоначально недекодируемого сообщения. Такая установка достигалась за счет двухэтапной кодировки и интерпретации слова, когда за первичным «остранением» слова и деавтоматизацией восприятия реципиента должна была последовать «кларификация» значения отдельного языкового элемента и текста в целом. Особое внимание футуристов к созданию окказионализмов было связано с рефлексией повышенного перформативного потенциала каждого обновленного слова, обладающего особой функцией воздействия не только на уровне межличностной, но и общенациональной коммуникации, что подчеркивалось в книге:

Наш мужественный смелый динамический и драматический полуостров, предмет зависти и угроз со стороны всего мира, готов вскочить, чтобы осуществить свою великую миссию. Мы должны считать национальную гордость основным законом своей жизни (с. 161).

Таким образом, можно выделить следующие прагматические установки, характерные для выбранного текста и повлиявшие на выбора переводческой стратегии: во-первых, базовая для авангардного дискурса установка на революцию устаревшего языка, создание нового художественного языка и «обновление словаря во всем его объеме», лежащие в основе авангардного словотворчества; во-вторых, ключевая установка итальянского футуризма 1930-х гг., манифестирующего стратегию «национализации», ориентированную на создание нового итальянского языка, свободного от заимствований, за счет замены их новыми словами, образованными на базе итальянского как единственного языка-источника. Учитывая обозначенные прагматические установки, при переводе окказионализмов были использованы приемы создания новых слов, калькирования и транслитерации.

Новые слова создавались прежде всего для передачи родовых понятий, объединяющих названия конкретных блюд и напитков. В тексте «Футуристической кухни» эти слова вынесены в специальный раздел «Словарик футуристической кухни», в котором новые термины сопровождаются дефинициями. Исполь-

⁵ О политических взглядах Маринетти см.: [Berghaus, 1996; Blum, 1996].

зование приема создания собственных окказиональных слов было обусловлено предложенной У. Эко оппозицией «одомашнивание» / «остранение» [Эко, 2015, с. 159], в которой он развивает концепцию русских формалистов. При переводе была реализована установка на такое совмещение «одомашнивания» и «остранения», которое позволило бы тексту быть воспринятым русскоязычным читателем и сохранить при этом «остраняющий» эффект и иронические коннотации, заложенные в итальянских окказионализмах.

Среди примеров обозначенного приема можно назвать следующие окказиональные единицы:

Mescitore – окказионализм переведен как *смеситель* (термин из «Словарика футуристической кухни»). *Mescitore* происходит от итал. *mescita* (диал.) ‘винный бар’; *mescere* ‘наливать, разливать; мешать, смешивать’; устар., редко употр. форма, обозначающая того, кто смешивает и разливает напитки в трактире, баре, бармена⁶. Учитывая, что в контексте: *Mescitore sostituisce BARMAN* (Marinetti, Fillia, 1932, p. 172), т. е. *заменяет BARMAN*, перевод должен не только отличаться от англоязычного эквивалента, но и содержать характерное для авангардного текста «остранение». По этой причине выбрано слово *смеситель*, которое образовано от суффикса *-итель*, имеющего значение предмета, производящего действие (*двигатель*, *глушитель*), и деятеля или лица той или иной профессии, занимающегося какой-либо деятельностью (*учитель*, *спасатель*). Таким образом, выбранное для перевода слово *смеситель* в данном контексте получает дополнительное значение одушевленности, заложенное в семантике суффикса, но изначально не выраженное в значении слова, что позволяет реализовать футуристическую эстетическую концепцию синтеза человека и машины, одушевленного и неодушевленного⁷. Таким образом, концепция новой машинной чувствительности и человека-машины получает реализацию через возможность соединения категорий одушевленности и неодушевленности в этом окказионализме⁸.

Sganasciatore – переведено как *рассмешитель* (термин из «Словарика футуристической кухни»). *Sganasciatore* происходит от итал. *ganascia* ‘челюсть’; *sganasciare* ‘сворачивать, вывихивать челюсть (от смеха, зевоты)’.

Рассмешитель: выдающийся футурист, задача которого – оживлять официальные банкеты.

Рассмешитель, борясь с недопустимой бездной хмурости, сразу же вполголоса произнесет три непристойные, но не совсем вульгарные шутки (с. 213).

Decisone – переведено как *решиитель* (термин из «Словарика футуристической кухни»). Слово образовано от итал. *decisione* ‘решение’ при помощи увеличи-

---

⁶ В статье используются следующие сокращения: **диал.** – диалектный; **итал.** – итальянский; **употр.** – употребляемый; **устар.** – устаревший.

⁷ Ср. «машинный миф» и «механическая эстетика» Э. Криполти, ориентированные на синтез таких базовых футуристических концептов, как скорость, движение и прогресс; концепция обновленной «машинной сенсорики» Дж. Северини; идея симбиоза человека и машины, мозга, уподобившегося металлу в романе «Футурист Мафарка» (1910) Ф. Т. Маринетти.

⁸ Важно отметить, что выбранное для перевода слово было широко распространено во время выхода книги, в том числе в русском языке (ср. стихотворение «Какой-нибудь изобразитель» (1933) О. Мандельштама):

Какой-нибудь изобразитель,
Чесатель колхозного льна,
Чернила и крови смеситель,
Достоин такого рожна.

тельного суффикса *-one*. Для передачи использована выработанная при переводе модель с суффиксом *-тель / итель*.

Решитель: Общее название горячих тонизирующих полинапитков, которые способствуют принятию важных решений после недолгих, но глубоких размышлений.

Решитель

(полинапиток от аэропозта-футуриста Маринетти)

¼ вина «Кинато»

¼ рома

¼ подогретого «Бароло»

¼ мандаринового сока (с. 246).

При таком способе перевода с образованием новых слов осуществляется не прямой перевод (калькирование), но трансфер понятия из одного языка в другой, что приводит к расширению возможностей интерпретации окказионализмов языка-оригинала. В этом случае происходит переосмысление слова, что влияет на его передачу при переводе и позволяет выразить дополнительные семантические связи и сформировать новую словообразовательную модель по типу *рассмешитель*, *смеситель*, *решиитель*.

Среди примеров переводов окказионализмов с использованием приема создания новых слов также можно отметить:

Pollofiat – переведено как *куромобиль*. Образовано от сложения *pollo* ‘курица’ и *fiat* ‘марка распространенного итальянского автомобиля «Фиат»’. Учитывая, что в фоновом знании русскоязычного читателя нет необходимых коннотаций, связанных со словом «Фиат», при переводе акцент был поставлен на передачу футуристической эстетической концепции машины, движения и динамизма, а также на сохранение заложенных в оригинале иронических коннотаций.

Куромобиль... <...> Берется значительных размеров курица и готовится в два этапа: сначала тушится, затем жарится. На спине курицы вырезается просторное углубление, внутрь которого кладется горсть шариков из мягкой стали. Затем к задней части птицы пришиваются три куса сырого петушиного гребешка. Скульптура помещается в печку на десять минут. Когда мясо хорошо пропитается вкусом стальных шариков, подать с гарниром из взбитых сливок (с. 178).

Peralzarsi – переведено как *Встанька* (термин из «Словарика футуристической кухни»). *Peralzarsi* образовано с помощью сложения *per* ‘в, к, через, на; чтобы’ и глагола *alzarsi* ‘вставать, подниматься’, используется для обозначения последнего блюда, поедаемого перед тем, как встать из-за стола. Поскольку в русскоязычной среде нет традиции поедания десерта в конце обеда, для перевода было выбрано слово, передающее значение завершения обеда и энергичного перехода к другим действиям.

Встанька: заменяет «dessert».

Во время Встаньки бойцам подают блюда из спелой хурмы, гранатов и красных апельсинов. Пока эти блюда исчезают во рту, по комнате с помощью опрыскивателей распространяются сладостные ароматы розы, жасмина, жимолости и акации Фарнеза, чья ностальгическая и декадентская сладость будет жестоко отвергнута бойцами, которые молниеносно надедут маски против удушающего газа (с. 206).

Rumorismo – переведено как *смехошум*. Слово образовано за счет наложения частей слов *rumore* ‘шум’ и *umorismo* ‘юмор’, за счет чего оно наделяется ирони-

ческими коннотациями. Чтобы не утратить одно из значений, при переводе было использовано сложение двух слов.

Наконец они смогут есть, лизать, пить, утираться, поколачивать друг друга за столом, используя освещающие прилагательные и глаголы, зажатые между двух пауз, абстрактные смехошумы и животные крики, которые заворожат всех весенних животных: жвачных, храпящих, бормочущих, шипящих, блеющих и щебечущих вокруг (с. 209).

Помимо создания новых слов при переводе окказионализмов используется калькирование. Занимая промежуточное положение между переводными и беспереvodными способами перевода окказионализмов, калькирование основано на нахождении межъязыковых соответствий между лексическими единицами оригинала и перевода и позволяет реконструировать внутреннюю форму переводимого окказионализма.

При переводе с помощью калькирования выделены два основных способа создания новых слов. Первый способ опирается на продуктивную модель образования авангардных окказионализмов, распространенную в творчестве русских футуристов. Такие гибридные образования создавались посредством сложения двух и более слов: *мирсконца*, *улыбкожабы*, *корсетебутишампаноскрипки* и т. д. Поскольку такая модель уже вошла в авангардный словарь, калькирование в этом случае позволяет соблюсти в равной мере оба принципа перевода – «одомашнивать» и «остранять», а также дополнить и расширить существующую словообразовательную модель.

Примеры перевода схожих окказионализмов:

Scoppioingola – переведено как *взрывгорле*. Образовано сложением итал. *scoppiare* ‘взрываться’, *in* ‘в’ и *gola* ‘горло’.

Уходя, проглатывают Взрывгорле – твердожидкость, состоящую из шарика пармезана, вымоченного в марсале (с. 206).

Guerrainletto – переведено как *войнапостели*. Образовано сложением *guerra* ‘война’ *in* ‘в’ *letto* ‘кровать, постель’.

Война в постели (оплодотворяющий полинапиток).

Война в постели состоит из ананасового сока, яйца, какао, икры, миндальной пасты, щепотки красного перца, щепотки мускатного ореха и гвоздики: все превращается в жидкость и смешивается с ликером «Стрега» (с. 211).

Paceinletto – переведено как *мирпостели* (*снотворный полинапиток*). Образовано сложением *pace* ‘мир’ *in* ‘в’ *letto* ‘кровать, постель’.

При переводе произошло расширение и дополнение модели, в которую также вошли слова, построенные по схожему типу: *brucioinbocca* – *горюворту*; *svegliastomaco* – *будитжелудок*; *placafame* – *успокаиваетголод*; *criticomania* – *критикомания*; *decollapalato* – *взлетонёбо*; *ortotattile* – *огородотактильное*; *carnadorata* – *обожаемаяплоть*; *videsidero* – *васжелаю*; *viameròcosì* – *будулюбитьВастак*; *questanottedate* – *этойночьююменя*; *uomodonnaitezzanotte* – *мужчинаженцинанполночь* и др. С помощью калькирования были также переведены окказионализмы, включающие параграфемные элементы (математические знаки и графические элементы): *Equatore + Polo-Nord* – *экватор + Северный полюс*; *Carota + calzoni* = *professore* – *морковь + брюки* = *профессор*.

Калькирование также использовалось при переводе окказионализмов, образованных аффиксальным способом, когда новые слова оригинального текста были образованы с помощью суффиксов, имеющих эквивалент в русском языке. Например, суффиксы, служащие для образования слов с отвлеченным значением

-ismo, или суффиксы, служащие для образования существительных со значением увеличения -issimo.

Примеры перевода калькированием таких новых слов, как *pancismo* – пузизм; *quotidianismo* – бытовизм (в зависимости от контекста может приобретать отрицательные *quotidianismo mediocrista* – посредственный бытовизм или положительные коннотации: *quotidianismo degli equivalenti nutritive* – бытовизм питательных эквивалентов); *tattilismo* – тактилизм; *metallicità* – металличность; *mangiabilissimo* – наисъедобнейшее; *biaccosita* – белизность; *antitalianita* – антиитальянизм; *semincolori* – полуцветный; *biquotidiano* – двуежедневный; *polichiacchierò* – полигомон.

Отдельно можно рассмотреть такой случай калькирования, как *quisibeve* – тутпьют. *Quisibeve* образовано от сложения наречия *qui* ‘здесь, тут’, частицы *si* ‘да’ и глагола *beve* ‘пить’. В русском языке многозначному слову *qui* соответствуют два эквивалента (‘здесь, тут’). С другой стороны, в итальянском языке наречие места *qui* также имеет синоним *qua*. Если в русском языке *здесь* и *тут* имеют стилистическое (*здесь* – нормативное, *тут* – разговорное) и контекстуальное различия, то в итальянском *qui* и *qua* обозначают большую (*qui*) и меньшую (*qua*) степень конкретности местонахождения объекта. Учитывая базовую установку Маринетти на преодоление языковых конвенций и отказ от нормативного словоупотребления, в этом случае возможен перевод *quisibeve* как *тутпьют*.

Отдельно отметим пограничную стратегию перевода с параллельным использованием способа создания новых слов и калькирования для перевода окказионализмов, образованных приставочным способом и принадлежащих к одной семантической группе. Такое сочетание двух способов опирается на прагмаэстетическую интенцию, заложенную в тексте и ставшую предметом метаязыковой рефлексии Маринетти в связи с двумя группами слов, образованных с помощью приставок *con-* и *dis-*. Опираясь на авангардные принципы «динамического контраста» и «дополнительности», основополагающие для формирования нового «гастрономического языка», Маринетти выделяет отдельные (пищевые, звуковые, визуальные и тактильные) компоненты, с которыми могут сочетаться создаваемые им блюда и напитки, разделяя их на две группы и обозначая с помощью приставок *con-* и *dis-*. При этом сложение *con-* с существительным акцентирует семантику родственности данных компонентов, желательности их совместного использования. Например, *conprofumo* – термин, который обозначает сходство какого-то аромата со вкусом определенного блюда на уровне запаха. Учитывая наличие приставки *c-* (*co-*) в русском языке, эквивалентной итальянской приставке *con-*, для перевода был выбран способ калькирования.

Примерами такого перевода являются названия блюд, образованных от этой приставки: *conprofumo* – *cozanax*; *contattile* – *сосязание*; *conrumore* – *сошум*; *contmusica* – *сомузыка*; *conluce* – *сосвет*.

СОЗАПАХ (CONPROFUMO):

термин, который обозначает обонятельное сходство определенного аромата со вкусом определенного блюда. Например: созапах кашицы из картофеля и розы.

СОШУМ (CONRUMORE):

термин, который обозначает шумовое сходство определенного звука со вкусом определенного блюда. Например: сошум риса в апельсиновом соусе и мотора мотоцикла или «Пробуждения города» Луиджи Руссола, футуриста и нарушителя спокойствия (с. 275).

К другой группе окказионализмов, при переводе которых сформировалась альтернативная словообразовательная модель, относятся слова с приставкой *dis-*.

Как отмечает Маринетти, в отличие от значения родственности, характерного для слов с приставкой *con-*, приставка *dis-* придает словам значение «комплиментарности», «взаимодополняемости» определенных запахов, шумов и тактильных ощущений с теми или иными блюдами (с. 276). Учитывая значение комплиментарности как дополнительности и «контрастности» признака, используемое в живописной теории для определения цветовой схемы, при переводе слов с приставкой *dis-*, которая не имеет прямого аналога в русском языке, использован способ создания новых слов, позволяющий сформировать альтернативную (по отношению к словам с приставкой *con-*) словообразовательную модель с использованием уменьшительных суффиксов *-оньк / еньк, -ик* и др. Такой способ позволяет передать иронические коннотации, заложенные в оригинале, и соответствует авангардной прагматической интенции на создание новых слов и нового языка.

Примерами перевода слов, относящихся к альтернативной модели, являются: *distattile – оццущеньице; disrumore – шумок; dismusica – музыка; disluce – светик.*

ШУМОК (DISRUMORE):

термин, обозначающий взаимодополняемость определенного шума и вкуса определенного блюда. Например: шумок «Итальянского моря» и шипение масла, гассозы и морской пены.

МУЗЫЧКА (DISMUSICA):

термин, обозначающий взаимодополняемость определенной музыки и вкуса определенного блюда. Например: музыка фиников и «Девятой симфонии» Бетховена (Там же).

Также при переводе окказионализмов, в которых намеренно акцентировалось звуковое сочетание, влияющее на восприятие значения, использовался способ транслитерации. Например: *quaccherologia – квакерология; pastonacca – пастонакка.*

Таким образом, передача прагматического воздействия, заложенного в тексте «Футуристической кухни», при переводе текста на русский язык была реализована с помощью использования таких «трансферных механизмов», как:

1) формирование новых словообразовательных моделей (например, с суффиксом *-тель (-итель)*), которые позволяют преодолеть существующую оппозицию грамматических категорий (одушевленности / неодушевленности) и создать дополнительные возможности интерпретации окказионализмов (*рассмешитель, смеситель, решитель*);

2) дополнение и расширение существующих словообразовательных моделей создания окказионализмов (по типу *мирсконца*), позволяющий реализовать базовую интенцию авангарда на создание нового языка и нового слова;

3) перевод базовых для одного авангардного направления языковых и эстетических стратегий, ориентированных на словотворчество и создание нового языка, на язык и культуру другого языка, приводящий к расширению потенциальных возможностей принимающего языка.

Список литературы

Импости Г. Роль звукоподражания в поэтике итальянского и русского футуризма: Маринетти, Крученых и Хлебников // Поэзия и живопись: Сб. тр. памяти Н. И. Харджиева / Под ред. М. Б. Мейлаха, Д. В. Сарабьянова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 469–479.

Перцова Н. Н. О «звездном языке» Велимира Хлебникова // Мир Велимира Хлебникова. Статьи и исследования, 1911–1998 / Под общ. ред. А. Е. Парниса. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 359–384.

Соколова О. В. Концепции «вселенского» и «универсального» языка в русском и американском авангарде // Критика и семиотика. 2015. Вып. 1. С. 268–283.

Фещенко В. В., Бочавер С. Ю. Теория культурных трансферов: от переводоведения – через cultural studies – к теоретической лингвистике // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: Методы, принципы, технологии / Отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С. 5–35.

Эко У. Роль читателя. СПб.: Симпозиум, 2005.

Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. М.: АСТ, 2015.

Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / Отв. ред. В. Н. Комиссаров. М., 1978. С. 16–24.

Baker M. In Other Words. A Coursebook on Translation. London: Routledge, 1992.

Berghaus G. Futurism and Politics: Between Anarchist Rebellion and Fascist Reaction, 1909–1944. Oxford, 1996.

Blum C. S. The Other Modernism: F. T. Marinetti's Futurist Fiction of Power. Berkeley, 1996.

Catford J. C. A Linguistic Theory of Translation. London: Oxford Univ. Press, 1965.

Derrida J. Le Problème de la genèse dans la philosophie de Husserl. Paris: Presses Univ. de France, 1990.

Dusi N. Per una ridefinizione della traduzione intersemiotica // Sulla traduzione intersemiotica / A cura di N. Dusi, S. Nergaard. Versus. 2000. No. 85-86-87. P. 3–54.

Eco U. I limiti dell'interpretazione. Milano: Bompiani, 1990.

Even-Zohar I. Translation theory today: A call for transfer theory // Poetics Today. 1981. Vol. 2, No. 4. P. 1–7.

Kenny D. Equivalence // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Ed. by E. Baker. London: Routledge, 1998. P. 77–80.

Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Heidelberg: Quelle and Meyer, 1979.

Newmark P. A Textbook of Translation. New York: Prentice Hall, 1988.

Nida E., Taber C. R. The Theory and Practice of Translation. Leiden: E. J. Brill, 1969.

Orban C. E. Marinetti's zang tumb tumb: Exploding words as images // Orban C. E. The Culture of Fragments: Word and Images in Futurism and Surrealism. Amsterdam: Rodopi, 1997. P. 24–54.

Transferts. Les relations interculturelles dans l'espace franco-allemand. Textes réunis et présentés par M. Espagne et M. Werner. Paris, 1988.

Vinay J. P., Darbelnet J. Comparative Stylistics of French and English: A Methodology for Translation. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1995.

Список источников

Поваренная книга футуриста: Манифест Ф. Т. Маринетти и Филлиа «Футуристическая кухня». Комментированное изд. / Сост. О. В. Соколовой; пер. с итал. и коммент. О. В. Соколовой, А. Ди Санто. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2018.

Marinetti F. T., Fillia. La cucina futurista. Milano: Sonzogno, 1932.

O. V. Sokolova

*Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
faustus3000@gmail.com*

**Features of the avant-garde occasionalism translation
(a case study of “Futurist Cookbook” by F. T. Marinetti)**

The paper analyzes the underlying problems of translation theory, in particular, the equivalence of linguistic signs and texts as well as the possibility of overcoming them when translating the avant-garde texts. The theoretical and methodological apparatus of the theory of transfer, U. Eco’s interpretation conception and “*intentio operis*” idea are used to solve the problem of occasionalism translation in the avant-garde texts. The paper reveals the basic pragmatic intentions characteristic of avant-garde individual authors. Moreover, the directions that include “universalization” as a way of creating a new language by means of multilingual synthesis (texts by V. Khlebnikov, J. Joyce and U. Jolas) and “nationalization” as a strategy of substituting borrowings by occasional forms, with Italian as the only source language (the texts of the Italian futurists of the 1920s–1930s) are identified. For the analysis, the Russian translation of the book of F. T. Marinetti and Fillia “Futurist Cookbook” (1932) was chosen which manifests radical linguistic and gastronomic reforms and expresses the pragmatic “nationalization” intention. The paper formulates the basic pragmatic intentions of the avant-garde text, determining the choice of translation strategy, such as the intentions to refuse borrowings and to create new words using the Italian as the only source language. Also, the primary transfer mechanisms are revealed that allow realizing the intention of the work, such as creating new word-formative models, modifying and widening the existing word-formative models of creating occasionalism, expanding the potential of the host language.

Keywords: translation theory, equivalence, transfer theory, avant-garde text, pragmatic intention, «nationalization», occasionalisms.

DOI 10.17223/18137083/67/21

References

- Baker M. *In other words. A coursebook on translation*. London, Routledge, 1992.
- Berghaus G. *Futurism and politics: between anarchist rebellion and fascist reaction, 1909–1944*. Oxford, 1996.
- Blum C. S. *The other modernism: F. T. Marinetti’s futurist fiction of power*. Berkeley, 1996.
- Catford J. C. *A linguistic theory of translation*. London, Oxford Univ. Press, 1965.
- Derrida J. *Le problème de la genèse dans la philosophie de Husserl*. Paris, Presses Univ. de France, 1990.
- Dusi N. Per una ridefinizione della traduzione intersemiotica. In: *Sulla traduzione intersemiotica*. A cura di N. Dusi, S. Nergaard. Versus. 2000, no. 85-86-87, pp. 3–54.
- Eco U. *I limiti dell’interpretazione*. Milano, Bompiani, 1990.
- Eco U. *Rol’ chitatelya* [The role of the reader]. St. Petersburg, Simpozium, 2005.
- Eco U. *Skazat’ pochti to zhe samoe. Opyty o perevode* [Saying almost the same thing. Experience in translation]. Moscow, AST, 2015.
- Even-Zohar I. Translation theory today: A call for transfer theory. *Poetics today*. 1981, vol. 2, no. 4, pp. 1–7.
- Feshchenko V. V., Bocharov S. Yu. Teoriya kul’turnykh transferov: ot perevodovedeniya – cherez cultural studies – k teoreticheskoy lingvistike [The theory of cultural transfers: from translation studies – through culture studies – to theoretical linguistics]. In: *Lingvistika i semiotika kul’turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii* [Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies]. V. V. Feshchenko (Ed.). Moscow, Kul’turnaya revolyutsiya, 2016, pp. 5–35.
- Imposti G. Rol’ zvukopodrazhaniya v poetike ital’yanskogo i russkogo futu-rizma: Marinetti, Kruchenykh i Khlebnikov [The role of onomatopoeia in the poetics of Italian and Russian futurism: Marinetti, Kruchenykh and Khlebnikov]. In: *Poeziya i zhivopis’: Sb. tr. pamyati N. I. Khardzhiyeva* [Poetry and painting: Collected works in the memory of N. I. Khardzhiev]. M. B. Meylakha, D. V. Sarab’yanova (Eds). Moscow, LRC Publ. House, 2000, pp. 469–479.

- Kenny D. Equivalence. In: *Routledge encyclopedia of translation studies*. E. Baker (Ed.). London, Routledge, 1998, pp. 77–80.
- Koller W. *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. Heidelberg, Quelle and Meyer, 1979.
- Newmark P. *A textbook of translation*. New York, Prentice Hall, 1988.
- Nida E., Taber C. R. *The theory and practice of translation*. Leiden, E. J. Brill, 1969.
- Orban C. E. Marinetti's zang tumb tumb: Exploding words as images. In: Orban C. E. *The culture of fragments: word and images in futurism and surrealism*. Amsterdam, Rodopi, 1997, pp. 24–54.
- Pertsova N. N. O “zvezdnom yazyke” Velimira Khlebnikova [About Velimir Khlebnikov's “language of the stars”]. In: *Mir Velimira Khlebnikova. Stat'i i issledovaniya 1911–1998* [The world of Velimir Khlebnikov. Papers and studies (1911–1998)]. A. E. Parnis (Ed.). Moscow, LRC Publ. House, 2000, pp. 359–384.
- Sokolova O. V. Kontseptsii “vselenskogo” i “universal'nogo” yazyka v russskom i amerikanskom avangarde [Conceptions of the “global” and “universal” language in the Russian and American avant-garde]. *Critique and semiotics*. 2015, no. 1, pp. 268–283.
- Transferts. Les relations interculturelles dans l'espace franco-allemand. Textes réunis et présentés par M. Espagne et M. Werner*. Paris, 1988.
- Vinay J. P., Darbelnet J. *Comparative stylistics of French and English: A methodology for translation*. Amsterdam, Philadelphia, J. Benjamins, 1995.
- Yakobson R. O. O lingvisticheskikh aspektakh perevoda [On linguistic aspects of translation]. In: *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike* [Issues of translation theory in foreign linguistics]. V. N. Komissarov (Ed.). Moscow, 1978, pp. 16–24.

List of sources

- Povarennaya kniga futurista: Manifest F. T. Marinetti i Fillia “Futuri-sticheskaya kuhnya” Kommentirovannoe izdanie* [Futurist cookbook. “Futurist Cuisine” by F. T. Marinetti and Fillia: Commented edition]. O. V. Sokolova (Comp.), A. Di Santo, O. V. Sokolova (Transl. from Italian, comm.). St. Petersburg, EUSP, 2018.
- Marinetti F. T., Fillia. *La cucina futurista*. Milano, Sonzogno, 1932.